

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
<i>Александра Борисенко</i> Золотой век британского детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
Энтони БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
Рональд А. НОКС	207
Методом пристального взгляда	209
Лорд ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
Лоэль ЙЕО	235
Дознание	237
Дороти СЭЙЕРС	255
Убийство в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
Генри УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд	305
Найо МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард КЕВЕРН	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас БЕНТЛИ	553
Бдительный ювелир	555
Энтони Гилберт	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан ТОМАС	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Соськин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Соськина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Люис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные описания и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые–тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Соськин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Соськина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

Эдгар Джеспсон и Роберт Юстас

1863–1938

1868–1943

Перевод Татьяны Русситы и Александра Бердичевского,

вступление Александра Бердичевского

РОБЕРТ Юстас (настоящее имя Юстас Роберт Бартон) долго считался загадочной фигурой. Известно о нем было мало, а известное — противоречиво. Во многих источниках неверно указываются его настоящее имя или годы жизни*. Такая путаница неслучайна. Во-первых, британских писателей, работавших под псевдонимом Роберт Юстас, было два. Во-вторых, “наш” Юстас работал почти всегда в соавторстве, выполняя главным образом обязанности научно-медицинского консультанта, то есть был фигурой второго плана. В-третьих, он сам тщательно оберегал свое инкогнито и этим затруднил работу биографам.

Юстас Роберт Бартон родился в 1868 году в семье врача Альфреда Бауэра Бартон. Юстас тоже учился на врача и в 1897 году в Университетском колледже Лондона получил право использовать при фамилии аббревиатуры M. R. C. S. и L. R. C. P., которые в то время означали начальную медицинскую квалификацию. На этом Юстас, в отличие от своего отца, остановился и заветных буквочек M. D. (доктор медицины) не получил.

* В антологии “Не только Холмс” приведена ошибочная дата рождения (1854).

EDGAR JEPSON AND ROBERT EUSTACE

С 1903 года Юстас жил и работал в Португалии, а в 1914-м вернулся в Англию. Во время Первой мировой войны он служил капитаном Королевского военно-медицинского корпуса и потом, видимо, гордясь этим, часто указывал в документах свое воинское звание. За “ценные услуги во время войны” Юстас получил награду тогдашнего Королевства сербов, хорватов и словенцев — орден Святого Саввы.

После войны он жил в Англии, много переезжая и работая ассистентом в разных психиатрических больницах (обычно замещая постоянных сотрудников) до самой своей смерти в 1943 году в Ньюпорте. Женат Юстас не был.

Литературная карьера Юстаса началась с сотрудничества с Л. Т. Мид в 1898 году (подробнее об этом можно прочесть в антологии “Не только Холмс”). В 1904 году вышла книга Юстаса и Гертруды Уорден, а в 1907-м — единственная книга, написанная им в одиночку. За период с 1925-го по 1936 год Юстас написал четыре рассказа в сотрудничестве с Эдгаром Джепсоном, а в 1928-м познакомился с самым знаменитым своим соавтором: Дороти Сэйерс обратилась к нему за разрешением включить несколько его рассказов в антологию, которую она составляла, а затем предложила вместе написать книгу. Так появился роман “Приобщено к делу”. Единственной известной фотографией писателя мы обязаны именно этому роману: снятая в рекламных целях, она показывает, как Юстас и Сэйерс занимаются приготовлением яда для убийства. Юстас, верный своему амплу загадочного соавтора, стоит спиной.

ЭДГАР Альфред Джепсон был милосерднее к будущим биографам и даже оставил двухтомные мемуары. Основным автором текста “Чайного листа” является, конечно, именно он. Он учился в Бэйлиол-колледже в Оксфорде. У него было трое детей от первого брака, двое из которых тоже занимались литературным творчеством. Внучка Джепсона Фэй Уэлдон стала известной писательницей — в автобиографии она пишет, что в возрасте 69 лет Эдгар развелся с женой, так как от него забеременела любовница. В войне Джепсон не участвовал, но вместе с поэтом Уолтером де ла Маром был призван на службу в Министерство питания, где редактировал труд “Поваренная книга “Выиграй войну”” и придумал лозунг “Ешь меньше хлеба!”.

Несмотря на эти достижения, более известен Джепсон все же беллетристикой (нередко в соавторстве): многочисленными произведениями в детективном и приключенческом жанрах, а также в жанрах мистики и фэнтези. Джепсон переводил с французского, в частности переработал пьесу Мориса Леблана про Арсена Люпена в роман, занимался литературной критикой и был редактором нескольких журналов. Он часто писал под псевдонимом Р. Эдисон Пэйдж (*R. Edison Page*). Кажется, нигде не отмечается, что это анаграмма имени *Edgar Jepson*.

И Джепсон и Юстас стали членами Детективного клуба в 1930 году, в год его официального основания.

ЭДГАР ДЖЕПСОН И РОБЕРТ ЮСТАС

Чайный лист

Артур Келстерн и Хью Уиллоутон встретились в турецких банях на Дьюк-стрит в Сент-Джеймсе и через год с небольшим в этих же банях и расстались. Оба отличались дурным характером: Келстерн был сварлив, а Уиллоутон злобен. Трудно сказать, кто из них был хуже, и когда я вдруг заметил, что они спелись, то давал этой прекрасной дружбе сроку месяца три. Она продолжалась около года.

Причиной их ссоры стала дочь Келстерна Руфь. Уиллоутон влюбился в нее, она — в него, и они обручились. Полгода спустя, несмотря на то что они явно очень любили друг

друга, помолвка была расторгнута. Никаких объяснений не последовало. Я предполагал, что Уиллоутон продемонстрировал Руфи свой дьявольский характер и получил по заслугам.

Посмотреть на эту Руфь, так она вовсе и не Келстерн. Как это часто бывает у членов старых линкольнширских семейств — потомков викингов и спутников Кнуда*, все Келстерны похожи друг на друга: светловолосые, белокожие, с ясными голубыми глазами и выраженной горбинкой

* Кнуд Великий (ок. 995–1035) — король Дании, Англии и Норвегии, предводитель викингов; нынешнее графство Линкольншир входило в территорию "датского права", отданную при викингах на заселение скандинавским колонистам.

РАССКАЗ "ЧАЙНЫЙ ЛИСТ" ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1925 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ "СТРЭНД".

== THE ==
TEA-LEAF

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1925. //////////////////

на носу. Но Руфь пошла в мать: смуглая, с прямым носом, темно-кариими глазами — про такие часто говорят “цвета расплавленной меди”, каштановыми волосами и такими манящими губами, каких я никогда не видел. Она была горда, независима, отважна и, скажу прямо, с норовом. Без этого она бы не смогла жить с такой старой сварливой скотиной, как Келстерн. Отца Руфь, кстати, обожала, невзирая на то что тот все время ее третировал; надо сказать, старик тоже ее любил. Вероятно, только ее во всем мире он и любил. Келстерн был специалистом по внедрению научных открытий в производство, а она работала в его лаборатории. Платил ей пять сотен в год, так что, видимо, она необычайно хорошо знала свое дело.

Расторжение помолвки Келстерн воспринял очень тяжело. Он считал, что это Уиллоутон бросил его дочь. Руфи тоже было нелегко: ее румянец утратил часть своей теплоты, губы сжались в тонкую линию и уже не манили так сильно. Характер Уиллоутона еще больше испортился: он стал похож на медведя, страдающего постоянными мигренями. Я пытался поговорить и с ним и с Руфью, надеясь их примирить. Мне, мягко говоря, дали отпор. Уиллоутон обругал меня, а Руфь вспыхнула и велела не лезть в чужие дела. Несмотря на это, я остался в уверенности, что они тоскуют друг без друга и были бы счастливы воссоединиться, если бы не их идиотское самолюбие.

Келстерн изо всех сил настраивал Руфь против Уиллоутона. Однажды я сказал старику — не мое было дело,

но я чихать хотел на его вспыльчивость, — что вмешиваться глупо и что гораздо правильнее оставить их в покое. Келстерн, конечно, взбесился. Он обозвал Уиллоутона грязным кобелем и подлым мерзавцем, и это еще самые нежные из эпитетов, которые он использовал. Тут-то я и подумал, что история с расторжением помолвки гораздо серьезнее, чем мне казалось.

Я укрепился в своих подозрениях, глядя, как Келстерн из кожи вон лезет, чтобы напакостить Уиллоутону. В своих клубах — “Атенеуме”, “Девоншире” и “Сэвиле” — он с поразительной изобретательностью сводил любой разговор к обсуждению Уиллоутона и объявлял его негодяем и подлейшим из мерзавцев. Эффект от этого был гораздо меньше, чем того желал Келстерн: мало кто из инженеров знал свое дело, как Уиллоутон, а настоящему специалисту трудно навредить. Люди в нем нуждаются. Но, конечно, какой-то ущерб Уиллоутону был нанесен, и тот понимал, кому он должен быть за это благодарен. Двое моих знакомых по-дружески намекали Уиллоутону, что говорится за его спиной. Характер его от этого не улучшился.

Специалист по строительству железобетонных зданий, которые сейчас возводят по всему Лондону, он был так же известен в своей области, как Келстерн в своей. Они походили друг на друга не только умом и вздорностью, мне кажется, что они и мыслили во многом одинаково. Во всяком случае, оба твердо решили не менять привычного жизненного уклада из-за расторжения этой помолвки.

An invigorating Turkish Bath in your own home

All the delights and benefits of hot-air, vapour, medicated, and perfumed baths can now be enjoyed privately at home with assured safety and comfort. Nothing else is so effective in keeping the blood pure, preventing sickness, stopping colds, curing Influenza, Rheumatism, etc.

AN IDEAL HEALTH-GIVING LUXURY

It eliminates the poisonous matters from the system, increases the flow of blood—the life current—freed from its impurities, clears the skin, recuperates and revitalises the body, quiets the nerves, rests the tired, and creates that delightful feeling of invigorated health and strength. It can be used in any room, and folds into a small, compact space.

Write for "Bath Book No. 3."

FOOT'S Bath Cabinet

168, Great Portland Street, LONDON, W.1.

Оба имели привычку посещать турецкие бани на Дьюк-стрит в четыре пополудни каждый второй и четвертый вторник месяца, и оба остались ей верны. Хотя в эти вторники они неизбежно сталкивались, ни один не перенес своего прихода и на двадцать минут — а ведь это позволило бы им разминуться и увидеть друг друга лишь мельком. Они продолжали париться, как и прежде, одновременно. Толстокожие, скажете вы? Еще какие. Ни один не притворялся, что не видит другого, оба бросали друг на друга злобные взгляды — и занимались этим большую часть времени. Я знаю, о чем говорю: иногда я и сам в это время бывал там.

В последний раз они встретились в этих банях примерно через три месяца после разрыва помолвки, чтобы расстаться навеки.

Келстерн уже около шести недель выглядел больным: лицо его посерело и осунулось, он похудел. Во второй вторник октября он появился в бане ровно в четыре и принес, как обычно, полный термос изысканного китайского чая. Если бы он счел, что пропотел недостаточно, то выпил бы его в кальдарии*, а в противном случае —

* В турецкой бане две парные, которые часто называют тепидарий и кальдарий. Посетитель сначала проходил в тепидарий — помещение с умеренной температурой, а потом уже в кальдарий — жаркое помещение. Подробнее см. комментарий, стр. 613.

после бани. Уиллоутон прибыл минуты на две позже. Келстерн закончил раздеваться и зашел в баню за пару минут до Уиллоутона. Тепидарий они покинули почти одновременно: Келстерн пошел в кальдарий где-то на минуту позже Уиллоутона. Перед этим он послал за термосом, который оставил в раздевалке, чтобы взять его с собой.

Так случилось, что в кальдарии Келстерн и Уиллоутон оказались в одиночестве. Не прошло и двух минут, как четыре человека в тепидарии услышали их ругань. Келстерн, среди прочего, назвал Уиллоутона грязным кобелем и подлым мерзавцем и заявил, что он еще до него доберется. Уиллоутон дважды послал его к черту. Келстерн продолжал сыпать оскорблениями, и вскоре Уиллоутон рывкнул: «Да заткнитесь вы, старый кретин! А не то хуже будет!»

Келстерн не заткнулся. Примерно через две минуты Уиллоутон вышел из кальдария, нахмурившись, прошел через тепидарий в массажную и отдал себя в руки одного из массажистов. Пару минут спустя некто Хелстон прошел в кальдарий и громко закричал. Келстерн лежал навзничь на залитой кровью лавке, кровь все еще текла из раны в его груди.

Поднялся переполох. Вызвали полицию; Уиллоутона арестовали.

Он, конечно, вышел из себя и стал яростно поносить полицейских, доказывая, что не имеет никакого отношения к убийству. Это не способствовало доверию к его словам.

Осмотрев тело и помещение, инспектор пришел к выводу, что Келстерн был заколот в тот момент, когда

пил чай. Термос валялся на полу перед ним; немного чая, видимо, разлилось, так как около горлышка лежало несколько чайных листьев: наверное, горничная небрежно процедила чай, наполняя термос. Все выглядело так, как будто убийца воспользовался чайной церемонией Келстерна, чтобы заколоть его, пока термос закрывает ему обзор и не дает возможности увидеть угрозу.

Случай представлялся бы элементарным, если бы не отсутствие орудия убийства. Уиллоутон легко мог бы пронести его в баню в полотенце, которым он оборачивался. Но как он от него избавился? Куда спрятал? Турецкая баня — не то место, где можно что-либо спрятать. Она и так пустее пустого, а он вдобавок находился в самой пустой ее части. Полиция обшарила каждый угол, хотя смысла в этом было немного: Уиллоутон вышел из кальдария, прошел через тепидарий в массажную и, когда Хелстон начал кричать об убийстве, бросился вместе с массажистами обратно в кальдарий и оставался там. Так как было понятно, что убийца именно он, посетители и банщики не спускали с него глаз. Все они клялись, что он все время был у них на виду и не ходил в раздевалку, да ему бы этого и не позволили.

Очевидно, Уиллоутон принес и унес оружие, спрятав его в складках полотенца. Полотенце он бросил около массажной скамьи, где полиция и нашла его нетронутым. Ни оружия под ним, ни следов крови на нем не обнаружили. Ладно кровь — Уиллоутон мог вытереть нож, или кинжал, или чем он там его заколот, о просты-

Вызвали полицию; Уиллоутона арестовали.

ни на лавке Келстерна. Следов этого не было, но их могла скрыть кровь из раны. А вот исчезновение оружия немало озадачило полицию, а позже и публику.

Врачи, производившие вскрытие, заключили, что рана была нанесена острым, круглым в сечении предметом диаметром приблизительно три четверти дюйма. В тело он проник на три с небольшим дюйма; даже если предположить, что его рукоят-

ка была не более четырех дюймов в длину, орудие представляется достаточно заметным и проглядеть его никак невозможно. Медики отыскали еще одно доказательство того, что Келстерн пил чай, когда его ударили. В ране, на глубине полутора дюймов, они нашли две половинки чайного листочка, который, видимо, упал Келстерну на грудь, а потом был разрублен клинком напополам и загнан внутрь. Кроме того, они обнаружили,

что Келстерн был болен раком. Про это газеты не писали; я слышал это в “Девоншире”.

Уиллоутон предстал перед судом магистрата*, и, к удивлению большей части публики, не отказался защищаться**. Он прошел на свидетельскую трибуну и под присягой показал, что не трогал Келстерна, что не держал в руках ничего такого, чем его можно было бы тронуть, что никакого оружия в баню не приносил и поэтому никакого оружия там не прятал и, наконец, что никогда не видел оружия, похожего на то, которое описывали врачи. Дело передали в суд присяжных.

Газеты кричали об этом преступлении; оно было у всех на устах. Каждого волновал вопрос: где Уиллоутон спрятал орудие убийства? Люди слали в газеты свои предположения: одни считали, что он хитроумно оставил оружие где-нибудь на видном месте и поэтому его никто не заметил. Другие предполагали, что круглое и острое — это, наверное, толстый свинцовый карандаш; это точно карандаш, и поэтому полиция проглядела его при обыске. Однако полиция не проглядела карандаш, поскольку никаких карандашей там

не было. Они прошерстили всю Англию — Уиллоутон много ездил, — чтобы найти человека, продавшего ему такое необычное и загадочное оружие. Они не нашли такого человека. Не нашли вообще никого, кто продавал бы что-нибудь подобное. Наконец, решили, что Келстерн был убит куском железного или стального прута, заточенным как карандаш.

Несмотря на то что только Уиллоутон мог убить Келстерна, мне не верилось, что он это сделал. То, что Келстерн изо всех сил старался навредить его профессиональной и общественной репутации, никак нельзя было считать серьезным мотивом. Уиллоутон был достаточно умен и понимал: те, кому он нужен для работы, не станут обращать внимание на сплетни, а общественное мнение заботило его очень мало. Кроме того, он запросто мог покалечить, а то и убить человека в приступе ярости, но не в его характере хладнокровно планировать убийство, а убийство Келстерна было спланировано образцово.

Ближе меня у Уиллоутона друзей не было, и я навестил его в тюрьме. Он был весьма тронут и благодарен.

Выяснилось, что больше к нему никто не приходил. Он казался подавленным и непривычно кротким. Возможно, он и в самом деле изменился. Он с готовностью и вполне естественным беспокойством обсудил со мной убийство, откровенно сказав, что не рассчитывает на то, что я в сложившихся условиях поверю в его невиновность, но что он действительно невиновен и — хоть убей — не знает, кто преступник. Я,

* Суд магистрата занимается мелкими делами, а в случае обвинения в тяжелом преступлении определяет, следует ли прекратить дело или же передать его в суд присяжных.

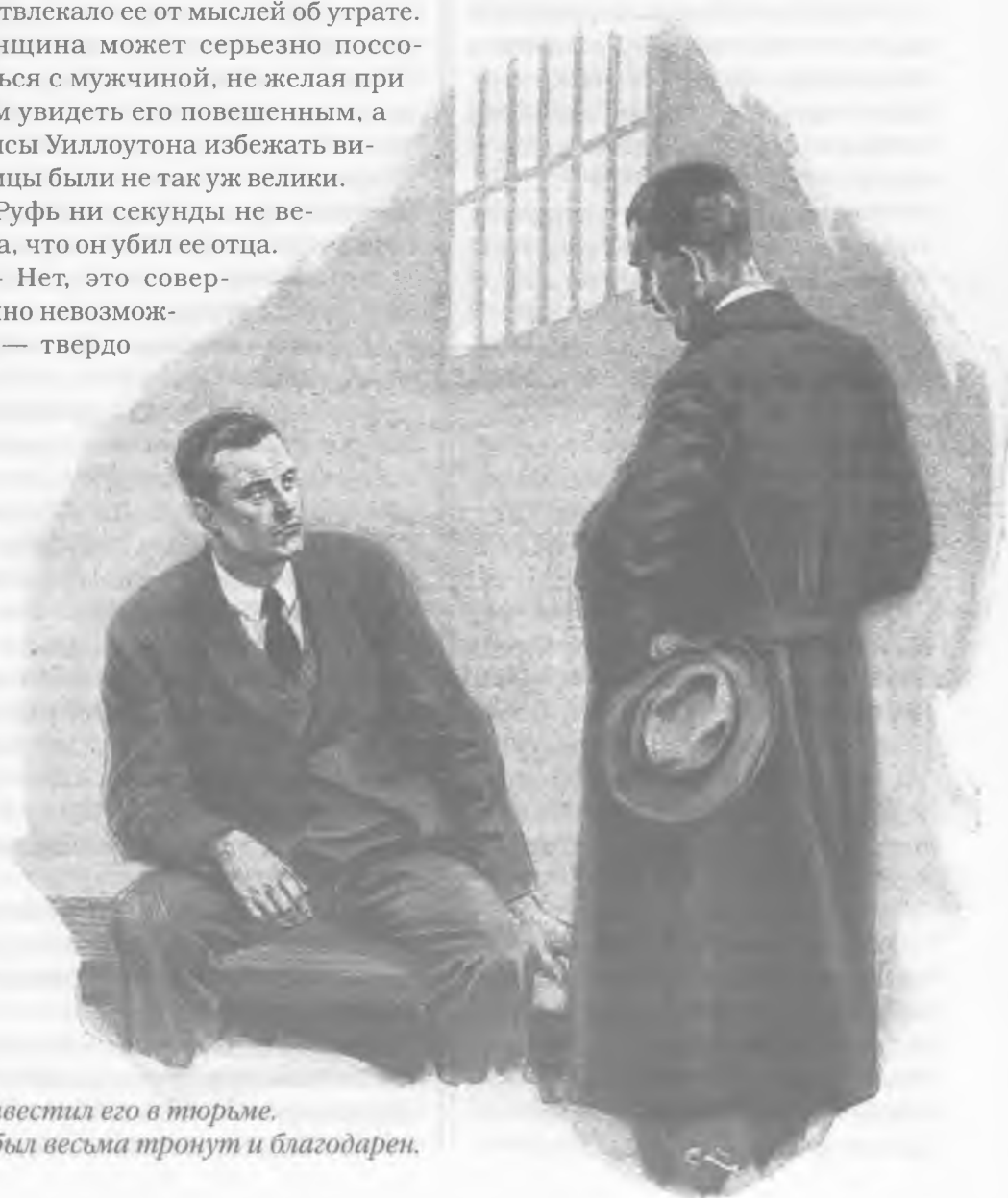
** Имеется в виду, что Уиллоутон согласился отвечать на обвинения до передачи дела в “большой” суд, хотя впоследствии его показания могли бы использоваться против него. Подсудимые имеют право отказаться защищаться до суда (предполагается, что там более объективная обстановка) и нередко им пользуются: так поступил, например, персонаж рассказа “Нефритовый бог и биржевой маклер” Джулиан Рой (см. антологию “Не только Холмс”), оказавшийся в похожей ситуации.

однако, поверил: что-то в его словах и голосе совершенно убедило меня. Я сказал, что не сомневаюсь в том, что он не убивал Келстерна, и он посмотрел на меня недоверчиво, но, опять же, с благодарностью.

Руфь оплакивала отца, но опасное положение Уиллоутона несколько отвлекало ее от мыслей об утрате. Женщина может серьезно поссориться с мужчиной, не желая при этом увидеть его повешенным, а шансы Уиллоутона избежать виселицы были не так уж велики. Но Руфь ни секунды не верила, что он убил ее отца.

— Нет, это совершенно невозможно, — твердо

сказала она. — Если бы папа убил Хью, я бы это еще поняла. У него были причины — или, по крайней мере, он так считал. Но какой резон Хью убивать папу? Нелепо считать, что его беспокоили отчаянные папины попытки очернить его. Что за глупость? Множество людей пытаются таким

*Я навестил его в тюрьме.
Он был весьма тронут и благодарен.*

образом напакостить ближним, но не особо преуспевают, Хью это прекрасно знает.

— Конечно не особо, и Хью не мог всерьез считать, что ваш отец сильно вредит ему, — сказал я. — Но вы забываете о его дьявольской вспыльчивости.

— Нет, я не забываю, — возразила она. — Он мог бы убить человека в гневе, бездумно. Но это убийство не было бездумным. Убийца, кем бы он ни был, продумал все досконально и пришел с оружием наготове.

Нельзя не признать, это звучало логично. Но кто же совершил убийство? Я напомнил ей, что полиция навела справки обо всех присутствовавших в бане: банщиках и посетителях, — но единственной формой общения, которая связывала Келстерна хоть с кем-то из них, был массаж.

— Или убийца один из них, или настоящий убийца мгновенно скрылся, или в чем-то тут загвоздка, — сказала Руфь, задумчиво нахмурившись.

— Я не понимаю, как кто-то мог остаться в бане незамеченным, — сказал я, — это абсолютно невозможно.

Ее вызвали в суд как свидетеля обвинения. Это казалось ненужным и даже странным, так как обвинителям ничего не стоило доказать плохие взаимоотношения Уиллоутона и Келстерна, не втягивая в это Руфь. Очевидно, они решили сделать все возможное, чтобы убедительно доказать мотив. Перспектива пройти на свидетельскую трибуну расстроила Руфь больше, чем я ожидал. Но если подумать, то это ведь было трудное для нее время.

В день суда я заехал за ней после завтрака, чтобы отвезти в Нью-Бейли. Она была бледна, выглядела невыспавшейся и, по всей видимости, изо всех сил сдерживала волнение. Не в ее характере было проявлять чувства.

Конечно, мы все время держали связь с поверенным Уиллоутона, Хэмли. Он занял для нас места сразу за собой. Он хотел сидеть рядом с Руфью, чтобы при необходимости проконсультироваться с ней: она, конечно, знала об отношениях ее отца с Уиллоутоном больше всех. Я точно рассчитал время нашего прибытия — присяжных как раз только привели к присяге. Разумеется, зал суда был полон женщин — расфуфыренных и надушенных — жен пэров, букмекеров и политиков.

Вошел судья, и с его приходом в зале повисло напряжение, характерное для дел об убийствах. Немного напоминает атмосферу палат, где лежат смертельно больные, только хуже.

К несчастью для Уиллоутона, судьей был Гарбульд. Вид он имел вульгарный, лицо — кирпичное, манеры — грубые, а репутацию — вешателя и вечного союзника обвинения.

Уиллоутон прошел на свое место. Он казался нездоровым и очень подавленным, но держался с достоинством и о своей невинности заявил твердым голосом.

Грэйторекс, главный обвинитель, начал выступление. Судя по его речи, никаких новых фактов полиция не нашла.

После этого Хелстон рассказал, как он нашел тело, а потом он и трое других мужчин показали, что, будучи в тепидарии, нечаянно подслуша-

ли ссору Уиллоутона и Келстерна и что Уиллоутон вышел из кальдария в ярости. Один из свидетелей, суетливый пожилой джентльмен по фамилии Андервуд, заявил, что это была самая ожесточенная ссора, которую он когда-либо слышал. Никто из этих четверых не смог сказать ничего по поводу того, пронес ли Уиллоутон пропавшее оружие в складках полотенца, но все они были уверены, что в руках он ничего не держал.

Затем было заслушано медицинское заключение. При перекрестном допросе врачей, проводивших вскрытие, Хейзелдин, адвокат Уиллоутона, обратил внимание на то, что пропавшее оружие было внушительного размера, что его округлый клинок должен был быть больше полудюйма в диаметре и три-четыре дюйма в длину. Врачи придерживались мнения, что, для того чтобы вогнать клинок такой толщины в сердце, необходима как минимум четырехдюймовая рукоятка, иначе захват не будет достаточно надежным. Это мог быть кусок стального или железного прута, заточенный как карандаш. В любом случае это, безусловно, была крупная штука, не из тех, что можно легко спрятать или бесследно уничтожить в турецкой бане. Хейзелдину не удалось поколебать их утверждение насчет чайного листа: врачи настаивали, что он был разрублен пополам и вогнан в рану клинком пропавшего оружия и это ясно показывает, что убийца нанес смертельный удар, когда Келстерн пил чай.

Инспектора Брекетта, который вел дело, подвергли длительному пе-

рекрестному допросу о поиске пропавшего оружия. Инспектор ясно дал понять, что оружия не было нигде в бане: ни в тепидарии, ни в кальдарии, ни в массажной, ни в раздевалке, ни в конторе, ни в вестибюле. Он осушил бассейн, обследовал крыши, несмотря на практически полную уверенность в том, что люк над тепидарием в момент убийства был закрыт (над кальдарием люка вообще не было). Его спросили, мог ли гипотетический сообщник Уиллоутона унести орудие убийства, но инспектор отверг эту версию: ее он проверял очень тщательно.

Массажист сообщил, что Уиллоутон пришел к нему в сильном раздражении, он даже задумался, отчего бы это. Допрашивая его, Арбатнот, помощник Хейзелдина, убедительно показал, что если только Уиллоутон не умудрился спрятать оружие в пустом кальдарии, он должен был вынести его в полотенце. Арбатнот вытянул из массажиста твердое заявление, что он видел, как Уиллоутон положил полотенце около массажной скамьи, и что он побежал в кальдарий сразу за Уиллоутоном, вернулся один, оставив Уиллоутона там обсуждать преступление, и нашел полотенце лежащим точно в том же положении; ни оружия под ним, ни крови на нем не было.

Поскольку инспектор уже исключил возможность существования сообщника, который проник бы в помещение, забрал оружие из полотенца и выскользнул с ним из бани, то из показаний массажиста явственно следовало, что оружие вовсе не покидало кальдария.

Обвинение представило доказательства плохих отношений между Келстерном и Уиллоутоном. Три известных и влиятельных джентльмена рассказали присяжным о том, как Келстерн пытался очернить Уиллоутона в их глазах, и о порочащих Уиллоутона заявлениях, которые он делал. Один из них счел себя обязанным рассказать об этом Уиллоутому, и тот очень разозлился. При перекрестном допросе Арбатнот обратил внимание на тот факт, что ни одно клеветническое заявление Келстерна не принималось всерьез, поскольку все его знали как в высшей степени вздорного человека.

Я заметил, что в конце допроса массажиста и при даче этих показаний Руфь беспокойно ерзала и все время поворачивалась ко входу, словно ждала кого-то. Как раз когда ее вызвали на свидетельскую трибуну, в зал вошел высокий сутулый седой человек лет шестидесяти, в руках он держал какой-то предмет в оберточной бумаге. Его лицо показалось мне знакомым, но я не мог понять откуда. Он поймал взгляд Руфи и кивнул ей. Она облегченно выдохнула, наклонилась и передала записку, которую держала в руке, поверенному Уиллоутона, указав ему на седобородого человека. После этого она тихо прошла на свидетельскую трибуну.

Хэмли прочитал послание, сразу же наклонился к Хейзелдину и что-то зашептал ему на ухо. По тону было слышно, что он взволнован. Хейзелдин прочитал записку и тоже заволновался. Хэмли соскользнул со своего места, подошел к седому мужчине,

который так и стоял у входа, и повел с ним оживленную беседу.

Грэйторекс начал допрос Руфи, и я, естественно, переключился на них. Прокурор старался еще раз показать, в каких плохих отношениях состояли Келстерн и Уиллоутон. Он попросил Руфь рассказать присяжным о том, какие именно угрозы высказывал Келстерн. Затем — это просто поразительно, как мало полиции удается накопать в действительно важных расследованиях, — допрос принял любопытный оборот. Грэйторекс стал расспрашивать Руфь о ее собственных отношениях с Уиллоутоном, явно пытаясь показать, что они были не просто помолвлены, а находились в любовной связи.

Я тут же понял, к чему клонило обвинение. Оно пыталось воспользоваться инстинктивным стремлением британских присяжных и британских судей к защите нравственности: они всегда готовы повесить человека, обвиняемого в убийстве, за аморальные отношения с противоположным полом. Лучшего способа восстановить присяжных против Уиллоутона, чем доказать, что он соблазнил Руфь, обещая жениться, просто не существовало.

Конечно, Хейзелдин тут же вскопчил с протестом, что, мол, эти вопросы не имеют отношения к делу и неприемлемы. И конечно же Гарбульд не поддержал его, не зря молодые адвокаты дали ему обидную кличку. Хейзелдин был великолепен. За ним числилось немало ссор с Гарбульдом, но эта перепалка превзошла их все. Гарбульд просто дурак, что ввязывается с ним в споры. Хейзелдин всег-

да одерживает верх, или, по крайней мере, так кажется. А значит, на его стороне и симпатии присяжных. Впрочем, Гарбульда на место судьи поставили не за мозги, а за политические заслуги. Он постановил, что вопросы вполне приемлемы, и сам задал Руфи парочку.

Тут Уиллоутон вышел из себя и заявил, что все это не имеет никакого отношения к делу и что это неслыханное безобразие. Голос у него зычный, и его не так-то просто заткнуть, если он не хочет затыкаться. Когда суду это наконец удалось, Гарбульд был лиловым от ярости. Было ясно, что теперь он сделает все возможное, чтобы повесить Уиллоутона. Но, посмотрев на присяжных, я подумал, что вспышка Уиллоутона скорее сыграла в его пользу и что протесты Хейзелдина все-таки пошатнули доверие к Гарбульду. Глядя на кислотоватые лица прокуроров, я почувствовал, что обвинение в этом месте наломало дров.

Грэйторекс при поддержке Гарбульда продолжил задавать вопросы, и Руфь, скорее вызывающе, чем смущенно (вспыхнувший румянец сделал ее невероятно обаятельной), признала, что они с Уиллоутоном были любовниками. Не раз и не два, проводив ее домой с танцев или из театра, он оставался до утра. Одна из служанок шпионила за ними, так что обвинение располагало доказательствами.

Я боялся, что, несмотря на протесты Хейзелдина, тот факт, что Уиллоутон, выражаясь словами Грэйторекса, соблазнил Руфь, обещая на ней жениться, разозлит присяжных и приведет его на виселицу.

Тут Руфь, по-прежнему с горящими щеками, но вполне собранная, сказала:

— Из-за этого мой отец мог бы убить мистера Уиллоутона, но не наоборот.

Гарбульд обрушился на нее, как тонна кирпичей. Она, мол, находится здесь, чтобы отвечать на вопросы, а не делать праздные замечания, и так далее и тому подобное.

Затем Грэйторекс подвел разговор к их размолвке и заметил, что инициатива принадлежала Уиллоутону, что, по сути, он бросил Руфь, предварительно скомпрометировав.

С этим она категорически не согласилась, заявив, что они поссорились и она разорвала помолвку сама. На этом она стояла твердо, хотя даже Гарбульд принял живое участие в споре и очень старался поколебать ее уверенность.

Тут в их перепалку вклинился подуспокоившийся было Уиллоутон:

— Что вы к ней пристали? Она говорит чистую правду.

Мало того что атмосфера в зале суда и так уже была накалена, так Уиллоутон еще и произнес эти слова чрезвычайно неприятным язвительным тоном.

Вновь Гарбульд сурово отчитал его, велел соблюдать тишину и сказал, что не даст устраивать из суда цыганский табор.

— С медведем в судейском кресле, — сказал Хейзелдин Арбатноту хорошо поставленным шепотом.

Несколько человек засмеялись, в том числе один присяжный. К моменту, когда Гарбульд закончил ему выговаривать, я сильно сомневался,

что этот присяжный скажет “виновен”, даже если он вдруг сам видел, как Уиллоутон заколол Келстерна.

Уиллоутон набросал записку, которую передали Хейзелдину.

Хейзелдин поднялся, чтобы допросить Руфь. Выглядел он спокойным и уверенным. Он вытянул из нее признание, что ее отец прекрасно относился к Уиллоутону вплоть до разрыва помолвки, что когда это произошло, то он со всей горячностью встал на сторону дочери, и что когда служанка донесла ему об их истинных отношениях, это уже не слишком усугубило его озлобленность.

Потом Хейзелдин спросил:

— Верно ли, что с момента разрыва помолвки подсудимый неоднократно умолял вас простить его и начать все сначала?

— Четыре раза, — ответила Руфь.

— И вы отказали ему?

— Да, — ответила Руфь. Она странно посмотрела на Уиллоутона и добавила: — Ему следовало дать урок.

— Просил ли он вас хотя бы заключить с ним формальный брак, обещая оставить вас сразу же у дверей церкви?

— Да.

— И вы отказались?

— Да, — ответила Руфь.

Гарбульд подался вперед и спросил пренеприятным тоном:

— И почему же вы отвергли возможность исправить свое постыдное поведение?

— Никакое оно не постыдное, — огрызнулась Руфь и бросила сердитый взгляд на судью. Затем она наивно добавила: — Я отказалась, потому что не было никакой спешки.

Он женился бы на мне в любой момент, если бы я передумала и захотела этого.

Возникла пауза. Мне казалось совершенно очевидным, что обвинение жестоко ошиблось, подняв вопрос об отношениях Руфи и Уиллоутона: было ясно, что он пытался защитить ее от любых нежелательных последствий их связи. Но присяжные — дело такое, с ними заранее никогда не знаешь.

Тут Хейзелдин перевел разговор в новое русло. Он спросил с сочувствием в голосе:

— Верно ли, что ваш отец был болен раком и очень страдал?

— У него начались сильнейшие боли, — с грустью сказала Руфь.

— Верно ли, что он составил завещание и привел в порядок все дела за несколько дней до смерти?

— За три дня, — сказала Руфь.

— Выражал ли он когда-нибудь намерение покончить жизнь самоубийством?

— Он говорил, что еще немного потерпит, а потом покончит со всем этим, — сказала Руфь. Помолчала и добавила: — Так он и сделал.

Можно было бы сказать, что зал вздрогнул. По-моему, каждый шевельнулся, и по помещению прокатился неясный шорох. Гарбульд откинулся в кресле, недоверчиво крикнул и уставился на Руфь.

— Сообщите, пожалуйста, суду, на каких основаниях вы это утверждаете, — сказал Хейзелдин.

Руфь подобралась, краска сошла с ее лица, она казалась очень уставшей. Она начала тихим ровным голосом:

— Я ни секунды не верила, что мистер Уиллоутон убил моего отца. Если

бы отец убил мистера Уиллоутона, это был бы другой разговор.

Гарбульд наклонился к ней и проорычал, что суд интересуют не мнения и фантазии, а факты.

Не думаю, что Руфь слышала его; она продолжала тем же тихим голосом, последовательно излагая свои соображения:

— Конечно, я, как и все, ломала голову над орудием убийства: что это было и куда оно делось. Я не поверила, что это был заточенный кусок стали полдюйма в диаметре. Если надо убить человека и потом спрятать оружие, зачем брать такую большую штуку? Убить можно и шляпной булавкой, а спрятать ее гораздо легче. Однако больше всего меня озадачил чайный лист в ране. Остальные выпавшие из термоса чайные листья лежали на полу. Так мне сказал инспектор Бреккет. И я не могла поверить, что один из них прилип к груди отца именно там, где клинок проткнул кожу, и вошел, попав на его острие, в рану. Слишком много совпадений, чтобы я могла верить в их случайность. Но понимала я не больше остальных.

Гарбульд вмешался и раздраженно потребовал перейти к фактам. Хейзелдин поднялся и попросил не перебивать свидетеля, сказав, что Руфь решила загадку, поставившую в тупик лучшие умы Англии, и что она имеет право рассказывать так, как считает нужным.

Опять казалось, что Руфь не слушает их, и, когда они замолчали, она продолжала все тем же тихим голосом:

— Конечно, я помнила слова отца “положить бы конец всему этому”, но

человек с такой раной уже не смог бы подняться, чтобы спрятать оружие. А позпрошлой ночью мне вдруг приснилось, что я вхожу в лабораторию и вижу на папином рабочем столе заостренный кусок стали.

— Уже и до снов дошли, — презрительно проворчал Гарбульд, снова откидываясь назад и складывая руки на животе.

— Я, конечно, не придавала значения сну, — продолжала Руфь, — ведь я думала обо всем этом так долго и мысли эти были столь навязчивы, что в подобных снах не было ничего удивительного. Но после завтрака у меня вдруг возникло ощущение, что разгадка прячется в лаборатории, надо только ее найти. Я не придавала значения и этому, но ощущение становилось все сильнее, и после обеда я пошла в лабораторию и начала поиски: тщательно перебрала все ящики и ничего не нашла; обошла помещение, рассматривая все предметы и заглядывая во все углы, пересмотрела все инструменты, колбы, пробирки и прочее. Потом я вышла на середину комнаты и очень внимательно огляделась. У стены возле двери лежал, ожидая отправки в утиль, пустой газовый баллон. Я перевернула его, чтобы посмотреть, что там был за газ. Этикетки на баллоне не было.

Она сделала паузу и обвела взглядом зал, словно бы прося особого внимания, а затем продолжила:

— Это очень странно, потому что все газовые баллоны должны быть подписаны: многие газы опасны. Я открыла вентиль, но ничего не произошло — баллон был пуст. Тогда я взяла журнал закупок и обнаружи-

ла, что за десять дней до смерти отец получил баллон углекислого газа и семь фунтов льда и потом получал по семь фунтов льда в день до самой смерти. Лед и углекислый газ навели меня на мысль. CO_2 , двуокись углерода, замерзает уже при минус восьмидесяти по Цельсию. В баллоне она находится под давлением, в жидком состоянии. Выходя из баллона, она превращается в газ и расширяется, что вызывает резкое понижение температуры, и часть ее кристаллизуется, превращаясь в очень мелкий снег. И из этого снега, если его спрессовать, можно сделать очень твердый и прочный лед — его называют сухим льдом. Меня осенило, что папа мог собрать этот снег и, используя подходящую форму, создать оружие, которое не только могло бы нанести такую рану, но и исчезнуть сразу после этого!*

Руфь снова сделала паузу и оглядела зал. Количеству восхищенных лиц позавидовал бы любой рассказчик. Потом она продолжила:

— Я поняла, что именно так отец и сделал. Я была в этом совершенно

Она засунула руку в сумочку, достала из нее черный предмет примерно девяти дюймов в длину и трех четвертей дюйма в толщину и подняла так, чтобы все могли его рассмотреть.

уверена. Из сухого льда можно сделать твердый и прочный кинжал, который быстро испарится в горячем воздухе кальдария и не оставит запаха, поскольку углекислый газ не пахнет. Так что оружие исчезнет. Это объясняет и чайный лист. Как только папа сделал ледяной клинок — может

* Сухой лед при атмосферном давлении не тает, а сразу испаряется, не оставляя следов.

быть, за неделю до того, как он воспользовался им, может быть, лишь за день, — он поместил его в термос. Термос ведь предохраняет от нагрева так же, как от остывания. Но для пущей уверенности он еще и хранил термос во льду, пока не настал час воспользоваться клинком. Это единственное объяснение ситуации с чайным листом. Он налип на острие клинка еще в термосе и вместе с ним и вошел в рану!

Зал буквально вздохнул с облегчением.

Гарбульд недоверчиво спросил неприятным голосом:

— Почему же вы не пошли со своей фантастической теорией в полицию?

— Но из этого не вышло бы ничего хорошего, — быстро воскликнула она. — Что толку, что я знала это? Надо было убедить всех остальных, найти вещественные доказательства. Я начала искать, интуитивно чувствуя, что они существуют. Больше всего я хотела найти литейную форму. И я нашла ее!

Эти слова она произнесла торжествующим голосом и улыбнулась Уиллоутону. Затем продолжила:

— По крайней мере, я нашла ее кусочки. В коробке, в которую мы выбрасывали всякий хлам, обрезки, сломанные инструменты и разбитые пробирки, я нашла несколько кусочков эбонита и сразу поняла, что это остатки формы. Я слепила из воска модель ледяного клинка и, обклеив ее кусочками эбонита, сложила форму, по крайней мере, большую ее часть — некоторые мелкие кусочки пропали. Я просидела почти всю ночь, но я нашла самую важную часть — заостренный кончик!

Она засунула руку в сумочку, достала из нее черный предмет примерно девяти дюймов в длину и трех четвертей дюйма в толщину и подняла так, чтобы все могли его рассмотреть.

Кто-то, не раздумывая, захолопал, и последовала буря аплодисментов, в которой потонул и голос секретаря, взывающего к порядку, и рев Гарбульда.

Когда аплодисменты стихли, Хейзелдин, который всегда умеет поймать нужный момент, сказал:

— У меня нет больше вопросов к свидетелю, ваша честь, — и сел.

Это глубоко впечатлило меня и, думаю, присяжных тоже.

Побагровевший Гарбульд выпрямился и буквально зарычал на Руфь:

— И вы полагаете, присяжные поверят, что такой известный человек, как ваш отец, устроил из своей смерти подлую ловушку, чтобы повесить подсудимого?

Руфь посмотрела на него, пожала плечами и сказала:

— Ну да, папа был такой. И он, конечно же, искренне верил, что мистер Уиллоутон заслуживает казни.

Столь спокойное признание присутствующих человеку слабостей не ожидаешь услышать из уст молодой женщины. Тем не менее что-то в ее тоне и поведении заставляло поверить, что Келстерн не только "был такой", но и действовал в соответствии со своей природой.

Грэйторекс не стал еще раз допрашивать Руфь. Он о чем-то поговорил с Хейзелдином, и тот начал допрос свидетелей защиты. Хейзелдин, поднявшись, сказал, что не будет тратить время уважаемого суда и, ввиду того что мисс Келстерн разгадала загадку смерти своего отца, вызовет только одного свидетеля, профессора Мозли.

Седобородый сутулый человек, пришедший в суд с таким опозданием, прошел на свидетельскую трибуну. Неудивительно, что его лицо показалось мне знакомым: я видел его портрет в газетах добрый десяток раз.

Он по-прежнему держал в руках свой сверток.

В ответ на вопросы Хейзелдина он заявил, что вполне возможно и даже нетрудно сделать из двуокиси углерода оружие достаточно твердое, прочное и острое, для того чтобы нанести рану, подобную ране Келстерна. Сделать его можно так: свернуть кулек из куска замши и, держа этот кулек левой рукой, защищенной перчаткой, у горлышка баллона с жидкой двуокисью углерода, открыть вентиль правой рукой. Жидкость быстро испаряется, температура падает, и часть двуокиси углерода вскоре достигает температуры замерзания, минус семьдесят градусов по Цельсию. При этом она кристаллизуется на замше и образует налет снега из CO_2 . Затем следует закрыть вентиль, соскрести снег в эбонитовую форму требуемой толщины и трамбовать его эбонитовым пестиком до изготовления оружия необходимой твердости. Мозли также добавил, что разумно держать форму на льду во время заполнения и утрамбовки, а затем поместить орудие в термос и хранить там до нужного момента.

— И вы изготовили такое орудие? — спросил Хейзелдин.

— Да, — ответил профессор, разрывая бечевку на своем свертке. — Когда мисс Келстерн вытащила меня из постели сегодня в половине восьмого утра, чтобы рассказать о своих открытиях, я сразу понял, что она нашла разгадку смерти своего отца, которая изрядно занимала меня. Я быстро позавтракал и приступил к работе, чтобы сделать та-

кое орудие самому и тем убедить суд. Вот оно.

Он вытащил из оберточной бумаги термос, отвинтил крышку, перевернул его и подставил руку в перчатке. На нее упал белый стержень длиной дюймов восемь. Он поднял его и показал присяжным.

— Сухой лед прочнее и тверже других известных видов льда, и я не сомневаюсь, что мистер Келстерн убил себя подобным орудием, только заостренным. У меня не было подходящей эбонитовой формы, но та форма, которую сложила мисс Келстерн, годится для создания клинка. Без сомнения, ее изготовили по специальному заказу мистера Келстерна, ско-

рее всего это сделали господа Хокинс и Спендер.

Он бросил стержень обратно в термос и завинтил крышку.

Хейзелдин сел.

Заседатель, получивший выговор от Гарбульда, наклонился вперед и горячо что-то зашептал старшине присяжных. Встал Грэйторекс.

— Что касается кончика клинка, профессор Мозли, мог ли он при такой жаре оставаться острым достаточно долго? — спросил он.

— Я считаю, что да, — ответил профессор, — я думал об этом. Учítывая, что мистер Келстерн как ученый прекрасно знал, что именно надо делать, а как искусный мастер отличался

TURKISH BATHS AT HOME

No form of bathing accomplishes such perfect cleanliness as the combined **HOT-AIR** and **VAPOUR BATH**. It not only cleanses the outer surface, but also opens the pores, eliminates impure matters, and stimulates a healthful flow of—life's principle—the blood, clears the skin, recuperates the body, quiets the nerves, rests the tired, and creates that delightful feeling of invigorated health and strength.

PHYSICIANS agree that "**FOOT'S**" is

THE BEST CABINET

and recommend it for the prevention and cure of Colds, Influenza, Rheumatism, Kidney and Liver Troubles, Skin Diseases, etc. A "**Foot's**" Cabinet possesses every desirable feature of efficiency, and has several exclusive advantages, including Improved Outside Heat and Vapour Generator, Adjustable Seat, and Heat Regulator. The Bather is not fastened to the Cabinet; Exit is Easy and Immediate; No Assistant required. Can be used in any room, and folds into a small compact space.

Write for "**BATH BOOK**" No. 3, containing particulars of Cabinets at various prices.

J. FOOT & SON, Ltd., Dept. B3, 168, Gt. Portland St., London, W.1.

ловкостью рук, он мог бы достать клинок из термоса и направить его куда следует, потратив на все чуть больше секунды — а может, и меньше. Он, я полагаю, взял оружие в левую руку и ударом правой руки по тупому концу вогнал его в грудь. Кроме того, если бы острие затупилось, чайный лист бы с него упал.

— Спасибо, — сказал Грэйторекс и повернулся к помощникам.

После короткого совещания он сказал:

— Мы предлагаем закрыть дело, ваша честь.

Старшина присяжных вскочил на ноги и воскликнул:

— И присяжные не хотят слушать далее, ваша честь. Мы совершенно уверены, что подсудимый не виновен.

Гарбульд задумался. Ему явно очень хотелось продолжать слушание, но тут он перехватил внимательный взгляд Хейзелдина и, по-моему, решил не дать тому возможности наговорить еще каких-нибудь гадостей.

Он нехотя задал вопрос присяжным по всей форме и, когда те вынесли вердикт “невиновен”, освободил подсудимого.

Я покинул зал суда вместе с Руфью, и мы стали ждать Уиллоутона.

Вскоре он показался в дверях, остановился и передернул плечами. Потом увидел Руфь и подошел к ней. Они ничего не сказали друг другу. Она просто взяла его под руку, и они вышли из Нью-Бейли вместе.

Мы проводили их аплодисментами.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ **ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА**

Главный редактор Варвара Горностаева
Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanС" и "FranklinGothicС"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

